

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.13
ББК 67.401.061.5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ

А. Ф. Абушахмин

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Вопросы, касающиеся проблем и перспектив развития судебно-следственных отношений, формирующихся между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, охватывают все стадии уголовного процесса и подлежат незамедлительному разрешению в целях устранения пробелов, влекущих существенные нарушения в процессе взаимодействия судов и органов предварительного расследования, способствующих ненадлежащему направлению правосудия посредством незаконного вмешательства федеральных, региональных и муниципальных органов государственной власти, должностных лиц, юридических лиц, граждан и их объединений. Особое внимание уделяется уголовно-процессуальному институту следственных действий, классификации и основаниям их производства. Суды, как субъекты уголовно-процессуальных отношений, наделены процессуальной нейтральностью, не позволяющей им вступать в судебное разбирательство в ходе уголовного судопроизводства на стороне обвинения или стороне защиты, так как федеральные суды общей юрисдикции обладают функцией разрешения дела, ограниченной от функций обвинения и защиты, которыми не могут быть обусловлены один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Ключевые слова: судебный контроль, органы предварительного расследования, дознание, дознаватель, следственные действия с конфиденциальной основой, предварительное следствие, производство неотложных следственных действий

PROBLEMS OF JUDICIAL CONTROL IN RELATION TO INVESTIGATIVE ACTIONS WITH A CONFIDENTIAL BASIS

A. F. Abushakhmin

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

Issues related to the problems and prospects for the development of judicial and investigative relations between subjects of criminal procedural activity cover all stages of the criminal process and must be resolved immediately in order to eliminate gaps that lead to significant violations in the process of interaction between courts and preliminary investigation bodies, contributing to the improper administration of justice through unlawful interference by federal, regional and municipal authorities, government agencies, officials, and legal entities, citizens and their associations. The article pays special attention to the criminal procedure institute of investigative actions, classification and grounds for their production. The courts, as subjects of criminal

procedural relations, are endowed with procedural neutrality, which does not allow them to enter into judicial proceedings during criminal proceedings on the side of the prosecution or the side of the defense, since federal courts of general jurisdiction have the function of resolving the case, separated from the functions of the prosecution and defense, which cannot be conditioned by the same body or the same official.

Keywords: judicial control, preliminary investigation bodies, inquiry, inquirer, investigative actions with a confidential basis, preliminary investigation, urgent investigative actions

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.12](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.12)

Уголовно-процессуальное законодательство как фундаментальная основа российского уголовно-процессуального права является динамичной формой правовой системы, представляющей собой сложный механизм, регулирующий отношения, формируемые в сфере уголовно-процессуальной отрасли. Данные отношения, в свою очередь, возникают в связи с совершением того или иного негативного действия — деяния, что и является причиной появления обстоятельств, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Примером могут послужить отношения между посягающим и обороняющимся, виновным и лицом, жизни которого причинен вред (с точки зрения уголовного материального права), подозреваемым и следователем, судом и подсудимым, свидетелем и потерпевшим (в аспекте уголовно-процессуального права).

Зачастую ученые — материалисты и процессуалисты, изучающие уголовно-процессуальные отношения как с теоретической, так и с правоприменительной точки зрения, устанавливают определенное количество проблем, одними из которых признаются: отсутствие в законе исчерпывающего перечня следственных и иных процессуальных действий с конфиденциальной основой и проблематика функционирования судебного контроля посредством вынесения органом, осуществляющим властные полномочия в сфере правосудия судебного акта, дающего право на производство конкретных видов следственной деятельности, реализуемой должностными лицами, входящими в состав органов предварительного расследования.

Судебный контроль — это деятельность районных и иных судов, входящих в систему федеральных судов общей юрисдикции, осуществляемая в ходе досудебного производства по уголовному делу и содержащая в себе полный перечень полномочий судьи во взаимодействии с работниками судебного аппарата до предоставления материалов дела в суд первой инстанции, т. е. до начала рассмотрения и разрешения уголовного дела в судебном порядке.

Судебный контроль как судебно-следственный элемент охватывает весь аспект уголовно-процессуальной деятельности, отраженный в полномочиях должностных лиц, возбуждающих уголовные дела о преступлениях, обусловленных характером и степенью общественной опасности, свойственных только для конкретной категории деяний. Такого же мнения придерживались в своих научных трудах А.Д. Назаров и А.С. Шагинян, предположившие, что судебный контроль — это часть процессуальной деятельности, рассматриваемая в форме досудебного производства, сущностью которого является надзор и контроль за соблюдением сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскную³ деятельность, следователями и дознавателями законности в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий, предварительного следствия или дознания. Данные авторы пришли к мнению, что судебный контроль предназначен устранять «фундаментальные нарушения в уголовном судопроизводстве» [1, с. 10]. Характер общественной опасности рассматривается как качественный показатель совершенного деяния, т. е. как обстоятельство, характеризующееся виновностью и наказуемостью обвиняемого, в том числе подлежащее доказыванию в суде. Степень общественной опасности, в свою очередь, характеризуется количественным принципом, выраженным в следующих юридических аксиомах:

³ Написание слова *оперативно-разыскной* дано в соответствии с современными правилами русского языка. См.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М., 2006. С. 53 (§ 40). В документах орфография сохранена. — Прим. ред.

- убытки и имущественный вред, причиненные обвиняемым имуществу (движимому и недвижимому) потерпевшего, в частной собственности которого находилась уничтоженная или поврежденная вещь, подлежат обязательному возмещению на основании судебного решения;
- установление четкого количества лиц, принимавших участие в совершении преступления, что позволит правоприменителям, в частности дознавателям, следователям, прокурорским работникам и судьям, правильно квалифицировать то или иное преступное действие;
- выявление и компенсация расходов, понесенных потерпевшим от действий обвиняемого, пропорциональны стоимости вещи, уничтоженной или поврежденной в процессе совершения уголовно наказуемого посягательства.

Дав характеристику качественному и количественному показателям, можно сделать вывод, что возмещение имущественного вреда — это один из конструктивных способов защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, именуемых потерпевшими, а в некоторых случаях и гражданскими истцами, и один из механизмов, входящих в общую систему судебного контроля, сформированную на основе принципов конфиденциальности и взаимодействия между судебными органами и органами предварительного расследования. Законодатель определил гражданского истца как субъекта судебного разбирательства в случаях, если он или иное физическое лицо во-leizъявит подать в районный суд иск, юридически оформленный исковым заявлением, содержащим требование о компенсации или возмещении вреда, причиненного деянием.

Законодатель закрепляет институт судебного контроля в ч. 2 ст. 29 гл. V раздела II УПК РФ, в которой заложены следственные, в том числе иные процессуальные действия, реализуемые только на основании решения судебного органа.

Проанализировав указанные положения, важно отметить, что законодательный орган обращает внимание практиков и правоприменителей на те уголовно-процессуальные нормы, которые допускают производство следственных действий, прописанных в конструкции ст. 29 УПК РФ [2], без вынесения судебного решения. Так, например, следователь, производящий предварительное следствие, вправе осуществлять осмотр, обыск или выемку в зданиях, сооружениях или жилых помещениях на основании своего же постановления или процессуального документа иного соответствующего должностного лица. Данные следственные действия обладают определенного рода особенностями и юридическими свойствами, позволяющими дифференцировать их между собой и от иных процессуальных действий, имеющих однородную с ними специфику, в том числе значение, принципы и признаки.

Множество авторов юридической и правовой литературы, затрагивающей статическую проблему, связанную с осуществлением судебного контроля в отношении следственных действий с конфиденциальной основой, выделяют базис недостатков и пробелов, вытекающих из законодательства, в частности, из норм закона, регулирующего отношения в сфере уголовного судопроизводства. К таким пробелам относятся:

1. Отсутствие четкого механизма регулирования отношений, возникающих между двумя сторонами, одной из которых является суд, а другой — органы предварительного следствия. Здесь хотелось бы отметить, что главной пробелностью определяется как судебная, так и следственная деятельности, а именно отсутствие при их взаимодействии принципа конфиденциальности в момент разрешения вопроса об удовлетворении судом ходатайства, возбужденного перед ним следователем, а в некоторых случаях и дознавателем для производства определенного следственного действия. Принцип конфиденциальности следственных действий должен лежать в основе не только предварительного расследования, но и в корне всей уголовно-процессуальной деятельности в целом. П. А. Лупинская, доктор юридических наук, профессор и ученый, в своих научных трудах ссылалась на то, что «принципом является исходное, основное, руководящее положение какой-либо науки, учения, деятельности. Принципом уголовного судопроизводства называется исходное, основное, правовое положение, определяющее назначение уголовного судопроизводства, и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур (форм)» [3, с. 104], что безусловно подтверждает необходимость в принципе конфиденциальности следственных действий, закрепленном на законодательном уровне и неотчуждаемом из общей системы отраслевых принципов, характерных исключительно для уголовного процесса.

2. Отсутствие нормы — дефиниции, характеризующей и обуславливающей понятие следственных действий с конфиденциальной основой в УПК РФ, в том числе в иных законодательных актах, отражающих нормы уголовно-правового характера или элементы уголовно-процессуального права. Таковыми могут быть признаны Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» [4], Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [5] либо Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [6], предметом которых законодатель выделил отношения, имеющие как административный, так и уголовно-процессуальный характер. Такого же мнения придерживались А. Н. Халиков [7, с. 11], Е. А. Чибурова [8, с. 180] и К. Л. Яковлев [9, с. 24], настаивавшие на юридическом установлении понятия следственных действий с конфиденциальной основой.

Принцип конфиденциальности следственных действий — это основополагающее, неотчуждаемое начало уголовно-процессуального законодательства, вытекающее из уголовно-процессуальных, административных, конституционных и иных публичных (властных) правоотношений, направленное на сокрытие той или иной информации государственного значения, либо сведений о частной жизни физического лица, распространение которых без разрешения государства или личности не допускается.

3. Отсутствие централизованного и децентрализованного законодательства, способствующего регулированию отношений, вытекающих из судебно-следственной деятельности в лице федеральных и региональных органов исполнительной власти, представителями которых законодатель должен обозначить сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскные функции, что обеспечит контроль и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и укреплением законности при юридическом взаимодействии судебных органов и органов предварительного расследования. Особое значение также должно быть уделено принятию закона, устанавливающего исчерпывающий перечень следственных действий, признанных конфиденциальными, отсутствие которого затрудняет идентификацию и квалификацию процессуального действия как следственного, ядром которого является конфиденциальный принцип. Затронутая проблема получила свое развитие и актуализировалась в ходе формирования судебной практики, сложившейся на основании разъяснений Верховного Суда, Следственного комитета и других органов государственной власти, которые занимают значимое место как в институте правосудия, так и в институте предварительного расследования.

Изучив правоприменительную практику, удалось зафиксировать случаи, когда при производстве в отношении физического лица следственных действий с конфиденциальной основой (осмотра, обыска, выемки в жилище, освидетельствования и др.) были осуществлены фотографирование, киносъемка и иные незаконные действия, в результате чего данные об освидетельствованом лице, документы, содержащие коммерческую, семейную, личную и иную охраняемую законом тайну, обнародовались следственным органом в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что противоречит как требованиям УПК РФ, так и конституционным положениям, регламентируемым в ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации [10]. В предусмотренной статье установлено, что истребование, реализация, использование и распространение тех или иных сведений о частной жизни лица без его разрешения не допускаются, так как с юридической точки зрения любые сведения, полученные в ходе предварительного расследования, могут быть разглашены самими должностными лицами, осуществляющими как предварительное следствие, так и дознание, только в случаях, когда это затрагивает предмет следствия, за исключением данных, включающих информацию исключительно о личной или иной тайне субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, находящегося в статусе подозреваемого.

Но все же немалое значение уделяется криминологами и криминалистами судебному контролю, обеспечивающему реализацию принципа законности и своевременности при работе с институтом неотложных следственных действий, не требующих решения суда, что делает их более уязвимыми в отрасли уголовного процесса, что и прослеживается как пробельность осуществления судебно-контрольных функций в отношении следственных действий с конфиденциальной основой.

Кроме того, важно отметить, что исследуемая практика получила широкое применение и в государствах — членах международной организации Содружества Независимых Государств (СНГ), к ко-

торым относятся Армения, Казахстан, Кыргызстан и др., в том числе и Россия, в некоторых странах Европы и штатах Америки, относящихся к англосаксонской системе права. Достаточно четко это демонстрируется при взаимодействии органов, осуществляющих судебно-контрольные, надзорные и следственные функции, т. е. при предоставлении следователем (дознавателем) в суд материалов дела, отражающих в себе и персонализированные данные о лице, подверженном следственным действиям, сопровождающемся ходатайством о производстве необходимого рода действия не только на бумажном носителе, но и в электронном виде (в форме электронного документа) посредством использования специализированных государственных информационных систем, что не гарантирует абсолютную защищенность предоставляемых сведений и в последующем влечет их утечку в процессе получения, это нередко является причиной подрыва безопасности судебных органов и вмешательства других лиц в следственную и дознавательскую деятельность органов следствия и дознания.

Дело в том, что законодатель, осуществляющий законодательную и нормотворческую деятельность, не использует понятие «следственные действия с конфиденциальной основой», не закрепляет их перечень, в том числе не регламентирует в законе меры по выявлению и пресечению неблагоприятных факторов, способствующих распространению и разглашению информации, что затрудняет классификацию конфиденциальных следственных действий и гласных.

Конфиденциальная основа, как основополагающий механизм негласных действий, направлена на обусловливание и обременение судебно-контрольных, следственных, оперативно-разыскных и иных уголовно-процессуальных функций, среди которых посредническое и факультативное место занимает оперативно-разыскная деятельность, возложенная на должностных лиц, выполняющих свои полномочия на основании объективности, беспристрастности, комплексности, системности, оперативности, законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, в частности конфиденциальности.

Акцентируя внимание на взаимодействии между федеральными судебными органами и органами предварительного расследования, законодатель определил четкий перечень оснований, в рамках которых следователь (дознаватель) вправе участвовать в судебном заседании в ходе досудебного производства, что отражает их специфическое содействие с федеральными (районными) судами.

Судебная практика, возникшая в ходе разрешения вопроса, касающегося взаимодействия федеральных судов и органов предварительного расследования, связанного с ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей посредством осуществления судебного контроля в отношении следственных действий, обусловленных конфиденциальной основой, внешне выражается в государственно-управленческой деятельности и устанавливается как институционная часть науки уголовно-процессуального права, направленная на устранение пробелов в судебно-следственной сфере. Разъяснения прокуратуры Чувашской Республики [11], вытекающие из следственно-прокурорской деятельности, сформированные с учетом требований, предусмотренных ст. 164 (Общие правила производства следственных действий) и ст. 165 (Судебный порядок разрешения производства следственных действий) УПК РФ, дают следующее определение понятию следственных действий с конфиденциальной основой:

«Следственные действия с конфиденциальной основой — возложенные на органы предварительного расследования процессуальные действия, общепризнанные правоприменителями и учеными-процессуалистами, в систему которых входят:

- осмотр жилища в случае отсутствия согласия проживающих в нем лиц (ст. 176 УПК РФ);
- обыск в жилище, производимый не иначе как на основании решения суда (ст. 182 УПК РФ), за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, где установлена норма, разрешающая следователям (дознавателям) производить данное следственное действие на основании постановления о производстве обыска в жилище в случае, если промедление может повлечь за собой утрату следов преступления или уничтожения вещественных доказательств, имеющих значение для уголовного дела;
- выемка в жилище, производимая на основании судебного решения (ст. 183 УПК РФ), за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Выемка как самостоятельное следственное действие производится только в случае, если точно известно, что предмет, документ,

имущество, предназначенное для использования в качестве оружия, оборудования или иного средства совершения деяния, подлежащие изъятию, находятся именно у этого лица и именно в данном месте.

Выемка как конфиденциальное действие уголовно-процессуального и криминалистического характера состоит из нескольких разновидностей, схожих по своей природе и значению, но наделенных разграничительными особенностями, одними из которых правоприменителями выдвигаются:

- выемка в жилище, упомянутая уже ранее, в субъектный состав которой входят следователь (дознаватель) и житель, в частной собственности которого находится недвижимое имущество, подверженное данному следственному действию на основании решения должностных лиц органа предварительного следствия или дознания (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) либо на основании решения суда (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);
- выемка предметов и документов, содержащих сведения о государственной, служебной, коммерческой и иной охраняемой федеральным законом тайне, производимая не иначе как на основании решения суда (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), в субъектный состав которой входят должностные лица органов предварительного расследования и физические лица, руководствующиеся данными сведениями;
- выемка предметов и документов, содержащих сведения о счетах и вкладах физических лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан, временно или постоянно пребывающих на территории Российской Федерации, либо лиц без гражданства) в банках и иных финансово-кредитных учреждениях. Субъектный состав данного следственного действия выражен в отношениях, участниками которых являются должностные лица органов предварительного расследования и вкладчики — лица, делающие вклады в финансовые учреждения (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);
- другие следственные действия.

Рассмотрев следственные действия, входящие, по мнению работников прокуратуры Чувашской Республики, в систему конфиденциальных следственных действий, необходимо заметить, что их производство и реализация допускаются только на основании разрешения суда как обязательного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, занимающего фундаментальное и преимущественное место в судебно-следственных отношениях и способствующего соблюдению законности и защите прав и свобод человека и гражданина, так как судебная власть, в корне которой располагаются формы судопроизводства (конституционное, уголовное, гражданское, арбитражное, административное), обоснована на принципе приоритетности личности, ее прав, свобод и законных интересов.

Статистика, сложившаяся в деятельности федеральной службы по государственной статистике (Росстата) и Президиума Верховного Суда, касающаяся выявления незаконных действий судов и органов предварительного расследования, повлекших нарушение УПК РФ, зафиксировала, что за 2024 г. в Верховный Суд Российской Федерации было подано свыше 2 тыс. жалоб и представлений уголовного, экономического, административного и гражданского характера, 1757 из которых рассматривались Судебной коллегией по уголовным делам, 30% жалоб из установленного количества анализировалось коллегией с учетом материалов и вступивших в законную силу приговоров судов первой инстанции, вынесенных в первую очередь на основании протоколов следственных и судебных действий, признанных недопустимыми [12].

Уголовно-процессуальный институт следственных действий, ограниченных латентной природой, до сих пор не нашел своей дефинитивности в науке уголовно-процессуального права, что породило пробелы — как фундаментальные причины становления противоречий не только в правовой, но и в государственной системе в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назаров А.Д., Шагинян А. С. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 142 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 21.04.2025) // С3 РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

3. Лупинская П.А., Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 4-е изд. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 1012 с.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28.10.2010 № 403-ФЗ (с изм. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
6. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73 (с изм. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
7. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд. М. : РИОР, Инфра-М, 2019. 324 с.
8. Чибурова Е.А. Следственные органы (МВД и Прокуратуры) Алтайского края в 50-е гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2.
9. Яковлев К.Л. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 387 с.
10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
11. Обзор правоприменительной практики прокуратуры Чувашской Республики за 2024 год. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_21/.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год URL: <https://www.vsrf.ru>.